

ОСАДА ФЕЛГАРДА

МАРК КАЗИХЭМ

WARHAMMER
40,000

*Данный материал является интеллектуальной собственностью
telegram-канала Гильдии Переводчиков
<https://t.me/guildwh40k>*

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

*Переводчик – Евгений Козлочков
Редакторы – Вова Моль, Лотара, Еретик*

ОСАДА ФЕЛЛГАРДА МАРК КЛЭПХЭМ

+++ Выборка из секретного сообщения Инквизиции +++

***Срочное сообщение для лорда-инквизитора Монтифа из священного Ордо
Маллеус, посланное Вашим верным слугой, клерком Инквизиции
Меншоном Литлом.***

Мой повелитель,

Сие сообщение упоминает о событиях, что произошли на Келторне в 452999.М41. Я просмотрел извлеченные из руин Феллгарда материалы, внимательно проштудировал официальные отчеты, составленные выжившими бойцами 39-го Кадрианского полка, с особым вниманием к показаниям субъекта [ДАННЫЕ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ]

[ДАННЫЕ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ] приняты к сведению, за неимением свидетелей среди гражданского населения [ДАННЫЕ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ]

Материалы относятся к действиям и верованиям самих еретиков, что были занесены ими в Опаленные Архивы. Перед изучением этот документ подвергли всем необходимым благословениями, процедурам экзорцизма,

обрядам и карантинным ритуалам, дабы скверна, содержащаяся в нем, не вышла наружу.

В приложении 3 я собрал рекомендации по уничтожению некоторых материалов, которые считаю [ДАННЫЕ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ], особенно тех, что обозначены как «Псалмы Разложения».

В приложении 4 предлагаю назначить мне строгую шестимесячную медитацию и [ДАННЫЕ ЗАСЕКРЕЧЕНЫ] чистку для очищения души, прежде чем направить меня на следующее расследование.

[ТЕКСТ СКРЫТ ИНКВИЗИЦИЕЙ] финальный акт военной кампании на Келторне, несомненно, стал нашей большой победой. Однако стоит принять во внимание, что трагическое падение Келторна в лапы врага является удручающим примером того, к какой катастрофе может привести коррупция. Упомяну, что ситуация значительно ухудшилась из-за событий, связанных со взятием бастиона «Бета-3», в котором..

+++ Конец выборки из секретного сообщения +++

– В пролом! – голос кастеляна Блакова эхом отражался в каждой вокс-бусине солдатских шлемов, через вокс-передатчики на машинах позади гвардейцев, возвращался от стены впереди и вибрировал через пустынные, грязные поля позади.

– В пролом, вы, бесполезные...

Очередной вдохновляющий призыв Блакова, продолжающего изрыгать поток грязных ругательств, потонул в грохоте разрыва снаряда, что врезался в землю рядом с полковым священником Вурчом. Священнику несказанно

повезло, чего нельзя было сказать о рядовом Саунте, которого распылило ливнем кровавых ошметков. Оглушенный Вурч закрыл руками лицо и особенно глаза, защищаясь от летящих кусков спекшейся горячей грязи вперемешку с человеческими останками.

Если бы Саунт еще мог говорить, он бы смирился с постигшей его судьбой. Настоящий сын Кадии – как и все они. Каждый из них жил только для того, чтобы достойно умереть в бою. Впрочем, возможно, его бы охватило отчаяние – снаряд мог прилететь как со стороны противника, так и от батареи старых артиллерийских орудий, что находились в полукилометре позади линии фронта и поддерживали штурм кадианцев...

Вурч вскочил на ноги задолго до того, как стих звон в ушах. Из-за контузии священник слышал только неразборчивый гул. Он огляделся вокруг и посмотрел, что делают остальные. По их движениям Вурч понял – приказы не поменялись.

Все было достаточно просто: они неслись вперед, держа курс на стену потускневшего желто-белого цвета, которая по периметру опоясывала Феллгард.

Феллгард был священным городом – священным из-за многих жизней, принесенных в жертву во имя победы Империи. Неважно, что это произошло в давно забытых конфликтах по причинам, затерявшихся в анналах истории. Святость вечна! Линия фронта галактической войны продвинулась дальше, и планета Келторон более не представляла стратегической ценности. Но ее символическая ценность оставалась чрезвычайно высокой...

Вдалеке показались силуэты шпилей, башен и монолитных домов

Феллгарда. Вурч ощутил притяжение города, благородное желание отвоевать его у врага. Но прежде, чем первому из кадианцев удастся сразиться с предателями на улицах и переулках, необходимо прорвать оборону самого города.

Сложностей было две: пустырь, по которому сейчас бежал Вурч, и монолитная, зловещая и бледная стена внешних укреплений. Это раз. После взятия внешней стены, кадианцы атакуют менее укрепленную внутреннюю стену. От внешней стены до внутренней предстояло пробежать широкую нейтральную полосу, простреливаемую тяжелым вооружением с бастионов. Это два.

Немногочисленные дальнобойные орудия и танки, которые сопровождали 39-й Кадианский, сделали свое дело, превратив ближайшую из сторожевых башен в дымящиеся руины. Хлипкую баррикаду, преграждающую один из проходов во внешней стене, артиллерия также сравняла с землей.

Вскинув лазган со штыком, издавая боевой клич, который его оглохшие уши не слышали, Вурч бежал к проходу, периодически поскальзываясь на мокрой грязи. Задолго до того, как 39-й Кадианский ступил на поле боя, священник знал, почему Блаков и его лейтенанты приказали аккуратно разрушить баррикаду, а не превратить стены в пыль.

Это была не просто «стена». Ее кремово-белая поверхность состояла из камня, которого не существовало на Келтороне – узор на укреплении, который видел Вурч, пока бежал в их сторону, не являлся декоративной гравировкой.

Стену сделали из человеческих костей – костей миллионов людей, что

принесли себя в жертву Императору в давних битвах. В священном мире Надежда Арабеллы их встроили в стены, предварительно благословив и помазав, а затем отправили в Келторон, где укрепления благословили трижды, дабы сформировать священное защитное кольцо вокруг Феллгарада.

Стена являлась святыней, первой линией обороны, воплощенной в мощах павших мучеников. Основная ее часть представляла собой трехэтажное сооружение: сверху находился парапет, из-за которого защитники могли вести огонь по любому приближающемуся врагу. Сейчас оттуда никто не стрелял, ибо враг был слишком напуган священной стеной, чтобы посметь взобраться на нее. За основной стеной находился ров, а затем внутренние баррикады – тоже сделанные из благословенных костей, но не такие протяженные. Дальше же простиралась нейтральная полоса, что тянулась от внешних укреплений до внутренних стен.

Приближаясь к внешней стене, Вурч, который в качестве полкового священника жил как в жестоком мире кадианцев, так и в освященном царстве Экклезиархии, ощущал её сакральную мощь, ауру, которая, несомненно, устрасила бы любого из предателей, осмелившегося приблизиться к Феллгарду.

Ирония, увы, заключалась в том, что город прогнал изнутри.

– Слуги Мертвого Императора штурмуют большую стену из мертвых дураков, – ядовито процедил Грент, прислушиваясь к сверлящему писку вокс-динамика, закрепленного в одном из углов большого помещения, что

некогда называлось Великой Палатой городского совета Феллгарда.

Еретики разрушили статуи по периметру зала, сожгли гобелены, расцарапали и осквернили фрески. Засохшие брызги крови покрывали стены, пол и большой, разбитый надвое, сломанный посередине стол, за которым когда-то заседал Совет.

Смрад разложения плотной пеленой висел в воздухе зала.

Двух новых обитателей Палаты ничуть не смущало её нынешнее состояние.

– Не говори мне о мертвецах, – прошипел Мазалай, положив руку на лицо умершего днем ранее последователя. Он пытался направить магическую энергию из своей исцарапанной ладони в мертвеца. Сидя на полу рядом с телом, другой рукой колдун сжимал посох, с помощью которого втягивал силу варпа в себя.

Грент продолжал молоть языком, однако слова слегка заплетались из-за болезни нерва, которая заморозила половину его лица и скручивала одну сторону рта вниз. Подобные симптомы являлись признаком благосклонности, как и болезнь мозга, из-за которой культист продолжал без умолку болтать, но Мазалаю не хотелось слушать. Грент был верным слугой, хорошо знал местность, служил посредником между колдуном и приземленными правоверными, однако верный помощник частенько не мог отделить зерна от плевел, и тогда пытался утопить своего хозяина в потоках бессмысленной болтовни.

Мазалай закрыл глаза и глубоко вдохнул наполняющую зал гниль, смакуя каждую частичку зловония: первые намеки на разложение, смрад засохшей крови и гноящийся запах язв, которые и сделали мертвеца таким

многообещающим подопытным. Колдун вытолкнул свое сознание наружу, сквозь ладонь, ощущая, как протекает сакральная магия, вступает в контакт с бактериями, кишевшими внутри трупа, со следами болезни, оставшимися в мясе и органах.

Мазалай, колдун и последователь Бога Чумы, ощущал присутствие каждого из даров Нургла, но этого было недостаточно. Он пытался вызвать величайшее благословение Повелителя Разложения, Болезнь Неживых – инфекцию, что воскрешает мертвых и распространяется посредством укусов и царапин.

Как только эту милость даруют Мазалаю, колдун обретёт армию мертвецов, сравнимую по численности с культистами, уже оборонявшими Феллгард от презренного лоялистского сброда.

Мазалай хмыкнул, желая, чтобы труп вернулся из небытия, и выискивая своим сознанием мельчайшие признаки этого оживляющего присутствия.

Ничего – только мертвая плоть.

Он ударил кулаком по каменному полу рядом с головой мертвеца, и окно рядом с Грентом взорвалось. Мазалай опустил взгляд на свою руку и увидел, как по покрытой струпьями коже течет психическая энергия – энергия, которая появилась без его воли.

Когда-то колдун целыми днями медитировал, желая разрушить предметы телекинезом, но сегодня это произошло, как эмоциональная реакция. Его сила росла, но вместе с ней Мазалай утрачивал контроль над собой. Колдун сосредоточился, обуздал свою ярость, и постепенно раскаленная добела энергия ушла.

Почему же ему не дается следующий уровень мастерства? Неужели он

еще недостаточно силен? Разве не Мазалай преданно служит своему богу, разве не он принес в жертву священный город ненавистного Империиума? Вовлек элиту, а затем все население к коллективному поклонению?

Разве этого было не достаточно?!

Но кто бы мог ему ответить? Мазалай считал себя великим колдуном, но даже ему было не под силу познать желания и мудрость Дедушки и демонов, что действовали как посланники Его воли. Никто из них не появлялся перед ним, но колдун ощущал их присутствие вокруг и слышал шепот приказов в своих снах. Именно эти наставления привели Мазалаю к колдовству и в итоге позволили занять одно из самых высоких мест в новом режиме Феллгарда.

Когда все началось, он был одним из немногих, кто верил, что Империиум несправедливо ограничивает их тягу к знаниям. Культ взял свое начало с коротких тайных встреч, но быстро расширился, разросся и вскоре затопил весь Феллгард целиком, а военачальники и элита помогали ему с окончательным этапом. Конечно, богачи и офицеры отдавали приказы гражданам города, но именно маги вроде Мазалаю, те, кто первыми присягнули на верность разрушительным силам, имели наибольшее влияние и обеспечивали духовное руководство.

С властью пришла и ответственность. Он хотел сосредоточиться на своих размышлениях и экспериментах, но на первом месте стояла война. Такие, как Грент, постоянно отвлекали его, докладывая о последних действиях наступающей Каданской армии, или чтобы получить приказы по разным вопросам. Грент... Точно! Вроде бы Грент что-то сейчас сказал?

– Так что там было про стену? – спросил Мазалай, дернув головой в сторону слуги, как хищная птица, увидевшая жирного грызуна.

Враги, с которыми столкнулся Вурч, когда 39-й прорвал внешнюю оборону Феллграда, не бросали вызов его вере и не подрывали ее – но они оскорбляли все, во что верил гвардеец.

Священник пробежал сквозь арку ворот внешней стены вместе с группой атакующих кадианцев, и подобно его братьям и сестрам из 39-го схлестнулся с культистами. Каждый предатель был отмечен признаками разложения и заражения. Отпечаток скверны, казалось, несколько не замедлил врагов, и они смогли быстро сблизиться с гвардейцами, преодолев расстояние между внутренними баррикадами и внешней стеной, дабы завязать рукопашный бой с кадианцами.

Присутствие еретиков было оскорблением Императору и мученикам, чьи кости составляли внешнюю стену. Возможно, что на Вруча так повлияла горячка ближнего боя, но ему казалось, будто он чувствует присутствие героев прошлого.

Слышит, как они требуют возмездия...

Полковой священник страстно желал успокоить потревоженные души и в тот момент, когда очередной культист бросился в его сторону, Вруч прохрипел молитву. Отбросив стволом винтовки клинок еретика, священник сделал выпад штыком, вложив в атаку всю свою свирепость и веру. Гвардеец нанес удар, зная, что стоял за правое дело, чувствуя, что Император и все эти мученики стоят позади него.

Если воля павших и была с ним, то божественная помощь не направила

штык в верную сторону, поскольку он не попал в сердце культиста, а застрял в плече. Болезненный, но не смертельный удар! Покрытый струпьями и окруженный мухами еретик, одетый в грязный комбинезон, дернулся, пытаясь уйти от клинка. Штык пропорол грубую полуистлевшую ткань и вошел в плоть. Из раны сочилась смердящая жидкость, мгновенно пропитавшая ткань, и Вурч закашлялся от отвратительного зловония.

Священник отпрянул назад. Культист взревел, показав почерневшие зубы, и ударил ногой в тяжелом сапоге. Попав в центр бронежилета, еретик отбросил кадианца назад. Вурч оступился, еле сохранил равновесие, и, задыхаясь от удара, нажал на спусковой крючок лазгана. Луч лазера задел лишь левое предплечье культиста, опалив кожу, настолько покрытую язвами, что священника поразило сомнение – а чувствует ли вообще враг боль?

Еретик выхватил из-за пояса короткий нож и яростно уставился на Вруча. Несмотря на молочные катаракты в глазах, его зрение казалось ясным. На лице мужчины, под коркой запекшейся грязи вперемешку с засохшей кровью, гвардеец разглядел неказистую татуировку в виде мухи, набитую на одной щеке – символ адепта разложения.

Вруч отступил назад, когда культист замахнулся на него ножом. Клинок прошел мимо. Пехота противника редко использовала огнестрельное оружие или гранаты. Культисты старались подобраться как можно поближе, и, навязав Гвардии рукопашную, резать, рубить, рвать защитные костюмы и наносить раны оскверненными клинками. Заражение было любимой забавой для еретических умов – они стремились не только искалечить или убить кадианцев, но и заразить болезнями: таким образом последователи Чумного Бога стремились подарить свои откровения верноподданым

Бога-Императора, пусть даже на краткий миг перед их смертью...

Только вот для этого им необходимо было сблизиться с противником.

У Вурча не было желания продолжать бой на короткой дистанции – он не медля выстрелил чумной марионетке в грудь с расстояния в пару шагов. Еретик мешком повалился на обломки баррикады. Гвардеец быстро сблизился и пробил штыком дыру в центре его черепа.

Вурч скорчил гримасу отвращения при виде неестественной жидкости, которая толчками пробивалась наружу. Он крутанул штык в ослабевшей от болезней голове культиста, проталкивая его дальше, и проткнул череп насквозь.

«Слабый верой слаб и телом», – заключил Вурч. Несмотря на весь свой ужасающий вид и фанатизм, еретики обречены на поражение.

Вокруг него раздались радостные возгласы.

Внешняя стена теперь принадлежала кадианцам.

Мазалай смотрел на мир сквозь фасеточные глаза. Привычный человеку масштаб потерял всякий смысл, расплываясь в этом зрении. Гиганты, что шагали рядом, казались непостижимо огромными и бесформенными.

Колдун навязал магическую волю существу, которое использовал в качестве шпиона, заставив свое сознание расшифровывать полученные образы. Каждый из переносчиков болезней – блохи, крысы и люди – являлись частью этого канала и были доступны ему для контроля.

Когда Мазалай смотрел глазами мухи, он видел грубые впечатления от

пятен массы и движений, размытые неказистые образы, которые воспринимало насекомое. Разум колдуна мог извлечь из них информацию и трансформировать в сложные узоры, содержащие достаточно разведанных. Враг захватил внешнюю стену и уничтожил защитников. Каданцы залили прометием груды трупов и подожгли их. В небо поднимался густой черный дым. Среди наступающих царил суматоха, но не было заметно никаких признаков того, что каданцы собираются пересечь баррикады и атаковать внутреннюю стену города.

Гвардейцы были заняты другим. Когда муха пролетела над грязной землей и приземлилась на стену, Мазалай узрел группу людей в форме, распеваящих и размахивающих курильницами. Другие же солдаты обрызгивали стену жидкостью из церемониальных медных цилиндров, которые удерживали за короткие деревянные ручки. Капли разлетались из десятков крошечных отверстий в латуни.

Взмахом руки мужчина оросил водой часть стены, где сидела муха, и жидкость попала на насекомое.

Мазалай вспыхнул, закричав от ярости. Огонь начал пожирать тело шпиона. Он ощутил через боль, как пламя вытесняет его сознание из умирающей мухи, возвращаясь обратно в своё тело...

– Милорд, – испугался Грент, встряхивая Мазалаю за плечи. – Милорд, что вы видите?

Колдун смахнул с себя руки скулящего Грента, подавляя яростный пылающий свет, что насквозь пронзил сознание колдуна.

Каданцы и их жрецы остались далеко, а Мазалай и Грент вернулись в бывший зал совета.

– Они снова заняли стену... – пробормотал Мазалай. – Они забрали ее обратно во всех возможных смыслах...

Напевая, Вурч шел вместе со своими товарищами-священниками, пока они заново освящали внешнюю стену, разбрызгивая святую воду и наполняя воздух ароматом священного дыма. Запахи благовоний каким-то непостижимым образом заглушали ужасное тошнотворное зловоние горящих трупов и еще больший смрад, что сопровождал еретиков при жизни.

Священники обстоятельно проводили ритуал очищения на всем протяжении стены. Блаков атаковал со всех направлений, захватив периметр, и когда Стена Мучеников была полностью освобождена – благословение изгнало любой мало-мальский намек на ересь – он отдал приказ развить наступление. Захватив четверо врат и переосвятив внешнюю стену, 39-й Каданский полк взял Феллгард в осаду.

Блаков был грозным и устрашающим лидером, и, несомненно, благочестивым человеком. Он знал, что врага нужно побеждать не только с помощью военной силы, но и с благосклонностью Императора. Восстановив стену, каданцы образовали кольцо света. Вскоре оно сожмется и уничтожит узурпаторов Феллгарда, тем самым восстановив честь этого мира.

Вурч чувствовал очищение. Возможно, у него просто разыгралось воображение или же так воспринималось чистое белое небо над головой, но гвардейцу казалось, что стена начала слегка светиться.

Души мучеников вернулись на свое законное место.

По мере того, как Вурч шел вокруг стены, напевая, он все больше чувствовал внутри сияние. Его охватило уверенное и сильное знание, что предатели, каким бы ужасающим не был их облик и еретические верования, будут побеждены и уничтожены.

Свет Императора восторжествует.

Мазалай знал, что кадианцы не одержат верх.

Слуги мертвого Императора окружили Феллгард в кольцо, но они все равно оставались простыми людьми, независимо от силы их веры. Человек с ружьем не может противостоять неумолимой болезни, не может поставить преграду свободному проникновению благословенных бактерий. Великий Нургл присутствовал в каждом вздохе и выделении среди его войск, распространяясь по воздуху и воде, и каждый зверь или микроб являлись носителями даров Дедушки.

И все же... Бог Чумы до сих пор не расщедрился для Мазалай ни на один из своих величайших даров. Несомненно, вера и решимость слуг Дедушки подвергаются испытанию — темные владыки не благословляют тех последователей, что смиренно ожидают помощи от высших существ, нет! Они лелеют тех, кто непрестанно сражался за их честь и распространяет веру решительными действиями...

Кадианцы посланы им как испытание, и Мазалай и его товарищи обязаны пройти его с честью! Слуги Ложного Императора обречены — заблудших овец с фиолетовыми глазами нельзя просто прогнать, их нужно

уничтожить с показательным пылом праведников!..

– Кто охраняет западные врата? – спросил Мазалай Грента, пока они спускались по ступенькам старого здания городского совета.

– Крауер возглавляет оборону бастиона «Бета-3», – ответил верный слуга. Замешательство проступило на его несжатой спазмом части лица. – Не думал, что вы займетесь мелкими военными делами, милорд...

– А, что? Нет, – задумчиво произнес Мазалай. – Враг нанесет следующий удар в западные врата. Этот бастион хорошо защищен и у нас нет причин для волнений, но мы должны донести истину до захватчиков. Сделать это так, дабы наше послание было усвоено. Ты понимаешь, что это наш священный долг?

– Да, милорд... – осторожно ответил Грент.

Мазалай был готов наказать Грента на проскользнувшую нотку сомнения, но почувствовал то же самое чувство неуверенности. Зудящая растерянность, столь похожая на жжение от ментального контакта с благословенной водой кадианцев...

Захватив разум мухи и вместе с ней сгорая от капель святой жидкости, Мазалай ощутил совершенно новое впечатление...

Пылающий свет среди звезд, исходящий от Старой Терры.

Мазалай презирал мертвого Императора и весь этот миф, придуманный глупцами, но не мог избавиться от воспоминания о жгучем, интенсивном свете.

Это расшатало основы его духовной уверенности.

Бастион «Бета-3» возвышался на холме. Темное приземистое строение устремилось в восковое небо, словно надгробие. Двухэтажный форт с орудийными портами у основания и зубчатыми бойницами наверху возвышался над ничейной землей. Нейтральную территорию между внутренней городской стеной и до внешней стены Феллгарда обильно заполняли ловушки и траншеи – особенно много их было на участке между внутренними западными воротами и внешними, что уже были захвачены кадианцами.

Вокруг Феллгарда стояли и другие форты с бункерами, но западные ворота были самой доступной дорогой для вторжения в город, а бастион «Бета-3» контролировал это направление. Уничтожь форт, захвати ворота – и город тут же падет.

Но пока «Бета-3» оставалась в руках врага, еретики могли обрушить смертельный град из снарядов на каждого, кто осмелится выступить за баррикады у внешней стены.

Отряды кадианцев готовились к штурму со всех возможных направлений. У них было множество целей и Вурч знал, что Блаков не оставит без внимания любое уязвимое место в обороне предателей. Гвардейцы нанесут удары по сточным каналам, сторожевым башням и земляным бункерам. Не ведая милосердия, 39-й Кадианский полк обрушится на врага со всех сторон, стремясь отыскать слабое место в обороне, дабы прорваться внутрь.

Но сам Блаков возглавит именно тех, кто будет атаковать в тени бастиона «Бета-3». Перед тем, как отдать приказ о штурме, кастелян решил произнести речь.

Офицер выпрямился и обратился к стоявшим перед ним отрядам. С правой стороны от него стоял лейтенант Роул, с левой – комиссар Чавария. Блаков обладал внушительным ростом даже по кадианским меркам; его черные волосы были коротко подстрижены и выбриты на висках до тонкого слоя щетины, подчеркивая суровую выступающую челюсть кастеляна. Фиалковые глаза глядели из-под нахмуренных бровей. Небольшая белая линия – единственный и печально известный шрам, который за всю долгую службу Императору сумел нанести враг кастеляну – выделялся на коже, загоревшей под солнцем после долгой кампании в пустыне во время Перидова Крестового похода.

Произнося речь, Блаков жестикулировал левой рукой – правая же неизменно покоилась на эфесе меча. Навыки кастеляна в ближнем бою были потрясающими.

Именно по этой причине за все годы тяжелых сражений у него появился только один крошечный шрам.

Блаков был кем угодно, но только не оратором. Его речь представляла собой череду отрывистых угроз и требований. Она не сообщала войскам ничего, чего бы они не знали, кроме факта, что он, кастелян Блаков, поведет их в бой. Эта мысль не столько обнадеживала, сколько вдохновляла, однозначно предостерегая от любой попытки отступления. Вурч не прислушивался – пока Блаков вдохновлял словами, священник шествовал вдоль шеренги мужчин и женщин, тихо благословляя респираторы, которые носил каждый из них. Все без исключения гвардейцы кивали ему в знак благодарности, и священник закрывал глаза в краткой мольбе.

Все видели желтый туман, нависший над территорией, которую им

предстояло атаковать. Каждый гвардеец знал, это не безобидное химическое вещество, а ядовитый газ, от которого не могли защитить простые респираторы. Миазмы являлись каким-то проклятым оружием врага – чтобы выжить, им требовалась защита высших сил.

Когда Вурч закончил, Блаков обратился с последним предупреждением к своим подчиненным – словно бы мало было того, что кастелян надзирает за ними вместе с офицерами и комиссаром Чаварием, дабы без колебаний вершить полевой суд над трусами – вдобавок к этому он напомнил, что каждый из гвардейцев сражается во имя Императора, и если они не выполняют свой долг, то непременно предстанут перед Его суровым взглядом.

Наконец-то нашлись слова, с которыми Вурч мог без колебаний согласиться.

После речи Блакова кадианцы рассредоточились по баррикадам и приготовились к броску. В штурме не было никакой хитрости или искусного плана – им предстояло перебраться через священные баррикады и бежать вперед, дабы вступить в бой или погибнуть. Вурч осмелился выглянуть из-за баррикады, но из-за желтого тумана было трудно разглядеть что-либо полезное.

Находясь в должности полкового священника, Вурч не был приписан к определенному подразделению – он шел туда, куда пожелает или туда, где в нем нуждались сильнее всего. Во время штурма ему предстояло сражаться бок о бок с восьмой, девятой и десятой ротами под временным

командованием лейтенанта Роул.

Роул была ветераном армии, ее возраст почти перевалил за восемьдесят лет. После ювенантного лечения она выглядела значительно моложе своих лет. В отличие от Блакова, лейтенант пользовалась популярностью в войсках – она была офицером, который поднялся с самых низов. Всё её тело покрывали шрамы, доказывающие это, как и аугметические глаза, которые светились за очками в толстой оправе.

Лейтенант Роул не была мягкотелой, но ее жесткий стиль управления включал в себя и прагматичное желание сохранить как можно больше жизней ее солдат. Присутствие такого опытного ветерана придавало Вурчу надежду на то, что они все же смогут преодолеть полосу препятствий за баррикадами.

Надежда испарилась спустя несколько секунд после начала атаки.

Кадянцы побежали по открытой местности, меся ногами грязь, и далекие орудия дали залп. Впереди, на бастионе «Бета-3», по наступающим открыло огонь такое число тяжелых орудий, что показалось, будто форт вспыхнул.

Снаряды разрывались в строю кадианцев, превращая человеческую плоть и землю в кипящую кашу. Они яростно разрывали тела солдат и вырывали из податливого грунта большие пласты. Вурч бежал вперед, а земля вокруг него теряла форму, превращаясь в размытые пятна летящих обломков, которые обжигали и забивали комбинезон и респиратор. Рои оскверненных насекомых каким-то непостижимым образом избегали взрывов – опускаясь на поле боя, они облепляли выживших кадианцев, пытаясь отыскать повреждения в их защитном снаряжении.

Вурч увидел одного из гвардейцев – у бойца треснуло забрало. В трещину тут же устремились насекомые. Солдат замахал руками рядом со священником, когда жирные черные мухи заползли под маску и хлынули в рот и нос, прежде чем шальной снаряд не разнес бедолагу на куски.

Непонятная смесь из запекшейся крови и грязи забила входной клапан респиратора Вурча, и он, стараясь не рассердить офицеров и комиссара за своей спиной, принялся стирать это месиво. Пальцы в перчатках неуклюже заскользили по гладкой поверхности.

Когда ему, наконец, удалось очистить респиратор, он тут же споткнулся и покатился по оврагу в траншею, которая, извиваясь в направлении бастиона, расходилась на другие, столь же глубокие. Как оказалось, Вурч упал не один – рядом с ним лежала горстка мужчин и женщин из восьмой, девятой и десятой рот. Лейтенанта Роул не было видно. По мере того, как гвардейцы продолжали продвигаться вперед, грязь становилась все глубже, и солдатам приходилось продвигаться гуськом.

Из-за забившейся грязи гулкие звуки разрывов казались далекими и не страшными – впрочем, не всегда. Где-то рядом упал снаряд, и небольшое облако из комьев грязи заслонило белое небо над их головами. Чья-то оторванная рука упала вниз, отпружинив от стены и приземлилась на мокрую грязь между двумя бойцами восьмого отделения.

– Гриф, – определил рядовой Ирван, отбрасывая руку погибшего товарища в сторону. Вряд ли это было подходящая дань памяти павшему в бою гвардейцу, но каждый кадианец понимал – в разгар битвы нет времени для почестей. Время собирать части тел и оплакивать павших наступит позже.

Конечно, если только ты останешься жив.

Рука опять отскочила от стены и приземлилась чуть дальше, около сержанта Голбока, возглавлявшего отряд. Она лежала на поверхности в течение секунды, прежде чем масса мокрого, серого меха на мгновение появилась из-под грязи. Вонзив полную острых зубов пасть в плоть оторванной конечности, существо погрузилось обратно со своей добычей.

Голбок разразился потоком брани, общая скверная суть которой заключалась в следующем: какой-то монстр только что схватил руку покойника – да и за что это, собственно, Голбоку посчастливилось жить в одной вселенной с такими огромными тварями?!..

Вурч не оценил колорит языка сержанта, однако полностью понимал его чувства. Полковой священник выражал свои страхи, бормоча молитвы и скрещивая руки в знаке аквилы, дабы призвать к защите Императора.

– Сержант, может, вернемся назад?! – воскликнул Ирван. Теперь, когда они оказались на дне траншей, вне надзора офицеров, никто не гнал их вперед, но гвардейцы не могли сидеть тут весь день.

– Думаешь, лучше испытать на себе гнев Блакова и умереть от его руки? – спросил Голбок.

– Это были крысы, – резюмировал Ирван после недолгого молчания. Все, включая Вурча, пробормотали что-то в знак согласия.

Гвардейцы двинулись дальше.

В этот момент Вурч осознал, что они погружаются все глубже и глубже в грязь.

Крауер наведлся на одну из огневых позиций бастиона «Бета-3». Он воспользовался временным затишьем, чтобы перезарядить стоящий там автоболтер.

В его поле зрения не двигалось ни одно живое существо – это было поистине прекрасно.

Пространство между холмом, на котором стоял его бастион, и внешней стеной Феллгарда представляло собой выжженный и бесформенный ландшафт, изрытый воронками, усеянный телами и конечностями гвардейцев. Горели костры, и над проклятой землей висело ядовитое облако желтого тумана и густого черного дыма.

Орудия бастиона и солдаты, занимающие бойницы на крепостных стенах, уничтожали кадианцев, прежде чем те успевали добраться до укреплений. Гвардейцы, что пытались пробраться по грязи или траншеям, превращались в горячую труху, исходящую дымом.

Когда день закончится, эти поля будут усеивать непогребенные останки мертвых, а разложение и мор распространят подношения Нурглу.

Крауер улыбнулся. Удовлетворенно сжав кулак, он отступил от огневой точки, чтобы позволить автоболтеру вновь возобновить свою громоподобную атаку.

Или, по крайней мере, попытался это сделать. Увы, оба действия теперь были ему не под силу. Мужчину благословили обширной мутацией – огромной коростой, что покрывала большую часть его тела, превращала каждое движение в муку, но также и защищала, словно броня.

Крауер со стоном вернулся в командирское кресло. Первый этаж

бастиона представлял собой небольшую камеру с рокритовыми стенами и полом, командным пунктом в центре и многочисленными орудиями, обращенными наружу сквозь пушечные порты. Грубая лестница вела наверх, к зубчатым стенам, откуда по приближающимся врагам могли вести огонь снайперы и стационарные орудия.

Крауер занял свое место. Из-за резких движений его деформированная келторнианская униформа содрала с покрытого струпьями тела хлопья больной и иссохшей кожи. Тяжело дыша, он сидел довольный, упиваясь грохотом оружейного огня, который звонким эхом отдавался внутри бастиона.

Крауер был поистине благословен. Каждый из них.

Крысы. Крысы повсюду.

Слово «крысы» не отражало сути – тела грызунов были раздуты, поражены болезнью и покрыты огромными блохами. Насекомые оставляли кровавые укусы на каждом участке обнаженной плоти, до которой могли добраться. Раздражение кожи от травм провоцировало выпадение волос.

Если эти «крысы» и не полностью мутировали в земноводных, то несомненно приобрели способность задерживать дыхание на куда более долгое время, чем любое другое млекопитающее. Существа, искаженные силами Хаоса, превратились из простых грызунов в нечто куда более угрожающее. Они были повсюду, прятались под водой и выскакивали

наружу с визгом, который не смогла бы издать не одна настоящая крыса.

– Я провел годы тренировок не для того, чтобы убивать крыс сотнями, а чтобы сражаться с врагом, который выше моего колена! – проворчал рядовой Ирван, протыкая штыком очередного грызуна. Прижатая к земле клинком крыса плескалась под зловонной водой траншеи, яростно дергая лапами и хвостом, прежде чем окончательно стихнуть.

– Очищение мира от подобных мерзостей – святое дело, – произнес Вурч, попадая штыком в очередную крысу. Лезвие вошло прямо в череп, мгновенно убив мерзкую тварь. Стрелять по ним не было смысла – они двигались слишком быстро, перемещаясь в основном под водой. Единственный способ подловить их – дожждаться, пока тварь приблизится, а потом ударить штыком, как Вурч и сделал с этим желтозубым чудищем.

Это научит их не пробовать на вкус ноги кадианцев.

– Ни одно создание врага, даже самое мелкое, не должно остаться в живых, – добавил священник, вынимая клинок. Он произнес проповедь мягко – Вурч знал, что типичной для кадианцев бравадой Ирван лишь пробует отвлечься от подстерегающей их опасности.

– Никто не думает, что эти крысы самые мелкие, проповедник, – ответил Ирван и выругался. Очередная мокрая туша выскочила из грязной воды и потянулась к его коленям. Солдат ткнул ее штыком, выколов глаз, тварь с визгом бросилась бежать.

– Может нам стоит броситься в погоню за этим врагом Империиума? – раздался еще один приглушенный голос. Вурч не мог определить, кто именно решил так не вовремя пошутить – противогазы скрывали лица и искажали

голоса.

– Пока не стоит, – спокойно ответил Вурч, не обращая внимания на дерзость в голосе говорившего. – Мы осушим это место и сожжем их всех, но сначала Феллгард станет нашим.

В ответ раздались приглушенные возгласы. Хорошо, что солдаты были в приподнятом настроении. Им предстояло сложное наступление, но главное, что они пробирались через траншеи в направлении бастиона. Пока гвардейцы оглядывали очередной изгиб траншеи, взгляд Вурча упал на компас – он понял, что кадианцы двигаются в верном направлении.

Идущий впереди Голбок снова выругался. Вурч попытался посмотреть вперед, пытаясь увидеть, что происходит, но сержант совершенно неподвижно стоял в центре траншеи.

– Что там... – начал Ирван, но Голбок остановил его рукой.

Затем он указал пальцами в перчатке вниз, под грязную воду, на свои ноги.

– Мина, – проскрипел сержант. – Я чувствую ее.

Вурч ему поверил. Священник проходил те же самые тренировки, что и Голбок, пробегая по полю со скрытыми, но уже обезвреженными минами, а сержант-инструктор кричал «бум» если новичок сделал неверный шаг. Он знал, что чувствовал Голбок – твердый металл под сапогом и слабый толчок, когда взрыватель активировался.

Если Голбок уберет ногу, мина взорвется.

Они уже встречали множество ловушек. Сам Голбок осторожно снял с крюков растяжки, присоединенные к зарядам взрывчатки. Взрыв обеих стен траншеи мог с легкостью похоронить их под завалами из грязи. Чуть далее

они видели, как крыса активировала ловушку из шипов. Ржавая игла мгновенно пронзила существо, и комок грязной шерсти забился в мутной воде, разбрызгивая смердящую кровь.

Конечно же, тут были и мины, как, несомненно, и на открытом пространстве наверху. Враг наверняка расставил множество ловушек.

Но от перспективы обнаружить одну из них таким вот образом становилось не легче.

Каданцы всеми силами старались избегать пехотных мин, держась поближе к стенам траншеи и пытаясь не наступать на центр прохода. Но условия ухудшались – крысы постоянно отвлекали на себя внимание. Момент, когда еще кто-то из бойцов наступит куда не надо, был делом времени...

– Обойдите меня, – произнес Голбок. – Быстро и осторожно, ради трона.

– Йелди! – крикнул Ирвал. – Подойди сюда, нам нужно обезвредить...

– Нет! – воскликнул Голбок с такой яростью в голосе, что ему пришлось глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться. Его глаза метались по воде. – Я чувствую их движение под водой! Как только они укусят, я пошевелюсь, а потом...

С тяжелым вздохом он замолчал. Гвардейцы поняли, в чем дело. Один Ирван, казалось, готов возразить ему и рискнуть, чтобы освободить саржа.

– Обезвредить мину в грязи, пока меня не укусила крыса? – опередил его Голбок. – У тебя нет шансов. Единственная твоя надежда – свалить из зоны поражения прежде, чем будет взрыв.

– Так точно, сержант, – неохотно подтвердил Ирван и пошел вперед.

Вурч произнес благословение, быстро проходя мимо Голбока. Сержант

уже не слушал священника. Под линзами его респиратора Вурч увидел широко раскрытые глаза, полные слез. Все тело Голбока сотрясала дрожь.

– Оно... грызет меня, – тихо завыл Голбок, и Вурч побежал со всех ног, а грязь и вода цеплялись за его ноги, замедляя бег.

Полковой священник почти успел выбежать за радиус поражения, когда Голбок быстро нырнул в мутную воду – не вытерпел и слишком сильно дернулся, или же конвульсивно одернул ногу – так или иначе, но мина взорвалась позади Вурча, сбив его с ног и бросив лицом в вонючую грязь траншеи.

Победоносное настроение Крауера улетучилось, когда кто-то взорвал гранату в бастионе «Бета-3», а затем поджег его солдат.

Все началось с гранаты.

Крауер не слышал, как она влетела в бастион – звуки от подпрыгивающей на полу сферы заглушал грохот тяжелых орудий. Еретик заметил взрыв только когда он разорвал в клочья один из орудийных расчетов.

Граната сдетонировала рядом с командирским креслом Крауера. Обычный человек тут же бы умер или получил серьезные ранения, попав в радиус взрыва, но пламя лишь подкоптило загрубевшую, покрытую струпами и почти хитиновую кожу Крауера, опалив часть его униформы, и подожгло кресло. Он не почувствовал боли. Медленно моргая, командующий смотрел на обломки, пока остатки артиллеристов разлетались по полу и стенам бастиона.

Взрыв отвлек остальных бойцов – они не заметили, как пламя пробило через бойницу бастиона. Поток раскаленного добела прометия мучительно расправился с солдатами, лишенными неестественной защиты Крауера.

Командующий обороной бастиона встал со своего места, но он мало что мог сделать, окруженный кольцом огня, которое почти подобралось до командирского кресла. Крауер остался единственным выжившим на первом этаже. Несколько обожженных культистов, которые находились достаточно далеко от стены бастиона, вряд ли выживут в ближайшие минуты.

На крыше продолжали вести огонь снайперы – еще была возможность убить всех, кто сумел избежать огня орудий и подобраться достаточно близко.

Огонь потух. Крауер уже собирался вызвать подкрепление с крыши, когда двери бастиона с грохотом распахнулись.

Крауер видел, как даже верные слуги Хаоса, полностью развращенные существа, колеблются при виде его причудливой и отвратительной внешности, но ворвавшийся в двери кадианский офицер даже не моргнул, увидев перед собой настолько мутировавшее существо. Гвардеец вбежал, держа пистолет в одной руке и меч в другой. Расстреляв двух оставшихся в живых культистов, он бросился на Крауера, высоко подняв меч.

«Мудрое и выверенное решение», – мысленно согласился Крауер. Лазпистолет не несет его благословенной коже никакого вреда.

Меч, разумеется, тоже не спасет кадианца. Офицер устремил клинок в шею Крауера, но тот блокировал удар одной рукой. Куски покрытой струпьями кожи отлетели от предплечья, когда лезвие задело культиста, но меч все равно отскочил в сторону, не причинив серьезного вреда. Крауер

сделал выпад другой рукой, ударив мужчину кулаком в грудь.

Офицер отшатнулся, но, не колеблясь ни секунды, снова двинулся вперед, подняв свой меч.

Дождь из скользящих ударов мечом обрушился на Крауера, пока кадианский офицер танцевал взад и вперед в фехтовальной стойке, кружась вокруг культиста, и отскакивая назад после каждого нанесенного удара.

Мутировавшее тело защищало Крауера от серьезных повреждений, но значительно замедляло. Культист не чувствовал ничего, кроме ярости и разочарования, пока кадианец атаковал его и уклонялся в сторону, не давая возможности схватить себя или нанести урон. Крауер желал как можно быстрее разделаться с дерзким фехтовальщиком — он видел, что другие гвардейцы уже ворвались в укрепление и сходу вступили в ближний бой с культистами на лестнице бастиона.

Крауер почувствовал укол клинка и невольно вскрикнул. Скорее это был шок, вызванный неприятным ощущением, нежели боль — кадианец нанес удар в слабое место на груди, где постоянно перемещающаяся масса струпьев оставила открытым участок гнилой кожи с зеленоватым оттенком.

Хороший удар.

Крауер поднял голову и посмотрел вперед. Кадианец уже изготовился для атаки и посматривал на кровь на своем мече, изогнув губы в жестокой ухмылке...

Прежде, чем культист успел среагировать, кадианец вновь нанес удар мечом в то же место, вонзив лезвие глубже и провернув, отчего тело Крауера дернулось. Он напоролся на меч еще глубже, едва не пронзив самому себе сердце.

Враг оказался в пределах досягаемости командующего бастионом, и тот решил схватить офицера, чтобы раздавить череп человечка своими руками, покрытыми толстой коркой из струпьев. Когда же Крауер попытался это сделать, его захлестнуло забвение – конечности уже обмякли.

Холодная тьма парализовала чувства слуги Бога Чумы.

Ирван и остальные вытащили Вурча из грязи, в которую он упал, и подняли на ноги. Вместе они осторожно прошли остаток пути, пока вода под ногами не сменилась влажной землей. Траншея пошла на подъем, и они оказались у подножия холма, на котором стоял бастион «Бета-3».

Пушки бастиона молчали.

Гвардейцы слышали выстрелы, доносившиеся из глубины бастиона, и тогда Вурч, Ирван и другие побежали по склону, чтобы присоединиться к бою. Они обнаружили, что их сопровождают мужчины и женщины, которые занимали позиции на возвышенности. Каданцы стреляли и сжигали оставшихся в форте солдат противника. Вурч увидел среди атакующих Роул и комиссара, которые привычно подгоняли и выкрикивали угрозы медлительным или чересчур осторожным гвардейцам.

Гвардейцы поднялись на вершину холма, подбежали к самому бастиону. В этот момент сверху раздались громкие возгласы радости и девизы, восхваляющие Блакова.

Бастион был взят.

Когда остальные рванули, чтобы присоединиться к празднованию, Вурч

заметил, что замедляет шаг и оглядывается назад. Дым рассеивался. Нейтральная полоса, на которой только что неистово танцевала смерть, превратилась в унылое месиво из взбитой грязи. Бесчисленные человеческие останки, обугленные трупы и части тел кадианцев усеивали пропитанное кровью поле, над которым наконец-то воцарилась тишина.

Вурч не смог себя заставить смотреть на эту бойню. Он прочел короткую молитву и отвернулся.

Не оглядываясь, священник прошел остаток пути до бастиона.

Осажденные жители Феллгарда падали на колени, когда Мазалай проходил мимо них по улицам. За ним спокойно и уверенно шел Грент – подол его изодранной одежды волочился по неровной, вымощенной булыжником мостовой.

Феллгард... Некогда священный город Империи, собиравший паломников со всей системы – место, в котором все жаждали узреть памятники мученикам, погибшим во имя Императора...

Город и сейчас был святым местом – только вот теперь он был посвящен иным богам. На воздымающихся к небу шпилях культисты водрузили знамена с богохульными символами. Статуи Императора, взирающие вниз с высоченных зданий, были осквернены, а то и вовсе разрушены. Небо на узких улицах заслоняли зловещие изогнутые шпили городских соборов – из их изломанных теней кающиеся приближались к Мазалаю.

Келторанцы жаждали получить благословение от Мазалай – к счастью,

практически все они были затронуты Губительными Силами, и вряд ли нуждались в жреце, что мог привлечь к ним внимание Нургла. Рубцы и язвы в изобилии покрывали тела, паразиты и насекомые ползали по коже и подтачивали трухлявую одежду, пока вокруг толпы кружили мухи. Это было поистине прекрасное зрелище, сопровождаемое густым и сильным смрадом разложения и болезней.

Мазалай не останавливался, но прямо на ходу делал жреческие пассы, призванные поддержать верующих в эти трудные времена. Каждый из них, включая самого колдуна, надеялся на поддержку варпа – впрочем, получить подмогу от своего бога они могли только при помощи множества жрецов, которые разрушат границу между мирами. Что же касается собратьев Мазалай – колдунов и верховных жрецов, – то они вот уже несколько дней предавались медитациям, пытаясь собрать могущественные силы для защиты города. Еретик был уверен, что когда придет время, он сыграет свою роль в этом призыве.

Он ждал их знака.

Пока же Мазалай сосредоточился на другом – врага уже стоял у ворот.

В данном случае – у западных врат. Мазалай повелительно махнул солдатам, устанавливающим за западными воротами барьеры и противотанковые ежи. Горожане готовились к тому, что силы Империи атакуют ворота. Колдун свернул от прохода к двери в стене. За ней оказалась узкая каменная лестница, ведущая к зубчатым стенам. Стражники вытягивались по стойке смирно, когда колдун поднимался по ступеням, направляясь к обзорной площадке.

На площадке стоял медный телескоп. Мазалай приложил глаз к окуляру

и плавно повернул фокусёр, чтобы сделать четким изображение бастиона.

Орудия бастиона «Бета-3» молчали. Это был дурной знак. Мазалай приблизил изображение, очень осторожно двигая телескопом.

Он заметил мелькнувшую грязную зеленую униформу за одной из бойниц бастиона. Бледные лица солдат. Пока он смотрел, труп одного из культистов перебросили через зубчатую стену.

Каданцы захватили бастион.

Мазалай сделал глубокий вдох, перед тем как отдать приказ, который он собирался прокричать солдатам поблизости и который должен разнестись по ближайшим территориям.

Внутри бастиона царило приподнятое настроение. Гвардейцы запечатывали двери, осматривали орудия или же поднимались на зубчатые стены с оружием наперевес. Каждый из них знал – вскоре начнется контратака. Если раньше солдаты об этом не задумывались, то теперь крики Блакова ясно дали понять – нужно подготовиться к атаке и оставаться настороже.

Несмотря на уверенность, что рано или поздно кто-то снова попытается убить их, в воздухе витала почти осязаемая энергия – страх смешивался с пьянящим возбуждением. Они захватили бастион, у них появилось укрепление!

Чаша удачи качнулась в их сторону.

Блаков запер бастион. Осталось не так много вариантов устранения

распространившейся по форту скверны. Вурч делал все, что в его силах, выполняя простые благословения и произнося молитвы, чтобы сдержать заразу Хаоса, посягнувшую на крупнокалиберные орудия. Занявшие позиции гвардейские расчеты чувствовали, что их души останутся защищенными и они спокойно могут вести огонь.

Пока кадианцы ждали неизбежного, в бастионе воцарилась тишина. Они бдительно вслушивались на случай внезапного нападения, но все эти меры были напрасны. Когда враг выступил, его атака сопровождалась пронзительной какофонией богохульных боевых лозунгов, которые было слышно задолго до того, как первый из еретиков появился в поле зрения.

– Огонь! – скомандовал Блаков. Приказ эхом разнесся по всему форту – офицерам не пришлось его повторять.

– Беглый огонь по готовности. Убейте их всех!

Вурч занял позицию на стене, когда раздался приказ. Он слышал его так же ясно, как если бы стоял рядом с Блаковым. На крыше бастиона воздух был значительно чище. Священник приготовился открыть огонь – сверху, с крыши, можно было прекрасно разглядеть культистов, которые выбегали из внутренних ворот города неуправляемой толпой. Казалось, что они собрали всю свою армию – орда воющих еретиков с ржавыми ружьями, мечами и зазубренным оружием совершенно незнакомого Вурчу типа.

Он посмотрел вперед и вниз, на внутреннюю стену города, прицелившись из лазгана. Вурч не был снайпером или даже метким

стрелком, чтобы сделать четкий и точный выстрел – противник должен подойти поближе.

Вурчу так и не потребовалось нажать на спусковой крючок. Культисты не успевали попасть в зону его точной стрельбы – орудия бастиона и лазганы метких кадианских стрелков разрывали еретиков на куски. Культисты падали волна за волной, так и не приблизившись к бастиону. Тела громоздились в огромные кучи, но это не останавливало бредущую вперед орду почитателей Хаоса, которые, казалось, просто жаждали умереть за свои богохульные верования.

Вурч знал – каждый еретик заслуживает наказания. Но сейчас священник не был уверен, чувствует ли он восторг или же просто тошноту от масштабной резни, которая разворачивалась перед ним.

– Это... это неприемлемо, – произнес Мазалай, смотря одним глазом в подзорную трубу. Он и Грент поднялись на вершину внутренней стены, откуда могли с легкостью наблюдать, как их войска, выйдя через западные ворота, атакуют бастион.

– Мой лорд? – спросил Грент, но Мазалай не удостоил его ответом.

Вместо этого колдун отошел от телескопа. Он достаточно увидел. Атакующих волну за волной срубало оружие, которое Крауеру было поручено использовать против врага.

Ход осады Феллгарда начинал приобретать скверный оборот. Противнику еще предстояло продвинуться дальше, однако захват бастиона

предоставил им полный огневой контроль до самых западных ворот. Прикрытие тяжелых орудий обеспечит поддержку наступления на внутреннюю стену города. Эти ублюдки, поклоняющиеся Труп-на-Троне, обратили против келторанцев их собственное оружие!..

– Нет слов! – воскликнул Грент, посмотрев в окуляр. Он отверг обычаи Империиума и принял в себя все самое грязное и болезненное, однако культист сохранил свой лексикон таким же безупречно чистым, как процедурный кабинет в частной клинике.

Странная манера речи Грента раздражала Мазалаю, но сейчас у него появились заботы поважнее. Любые дальнейшие атаки культистов будут остановлены этими проклятыми тяжелыми болтерами и вскоре внутренняя стена будет окружена с других направлений. Пройдет не так много времени, и кадианцы начнут полномасштабное наступление на сердце Феллгарда.

Скорее всего, это произойдет с наступлением ночи, или даже раньше. Бесстрашие осаждающих и склонность к драматическим эффектам кадианского командира говорили в пользу этого варианта. Мазалай не сомневался, что он – или она – не будут ждать, чтобы провести наступление под покровом ночи. Возможно, слуги Ложного Императора нанесут удар уже в тот момент, когда волны атакующих культистов окончательно иссякнут. Даже если поспешное наступление приведет к уничтожению первой волны гвардейцев, этот кадианский командир с готовностью пожертвует несколькими отрядами для основательной разведки боем.

Медлить больше нельзя. У Мазалаю стремительно заканчивались защитники, способные держать оружие в руках. Необходимо запросить подкрепления из других районов города, но на это уйдет слишком много

времени...

– Милорд! – прокричал Грент, истерично дергая Мазалаю за рукав плаща, пытаясь привлечь его внимание. – Нет времени! Мы должны как можно быстрее добраться до туннелей и доставить вас и других лидеров в безопасное место. Феллгард падет, но можем...

– Нет! – отрезал Мазалай, отдергивая покрытую бородавками руку. – Не будет никакого побега или отступления. Я не увижу падения Феллгарда, не увижу, как все, что мы здесь построили, сожгут и осквернят безмозглые твари! Мы будем стоять и сражаться!

– Но милорд! – заскулил Грент. Мазалай почувствовал отвращение к искренней заботе о своем благополучии, которую увидел в глазах подчиненного. – Если вы останетесь, ваши последователи не смогут защитить вас! У нас не осталось линий обороны, и нет времени, нет времени...

Человек упал к его ногам, что-то лихорадочно бормоча.

– Ты прав... – ответил Мазалай и осознал, что должен сделать. Он положил руку на плечо Грента, и бормотание прекратилось. – У нас нет времени, а наши возможности для обороны ограничены. Но ты все еще можешь оказаться полезным... следуй за мной.

Мазалай побежал и Грент последовал за ним, но мутации замедляли его бег. Хотя изменения плоти и были благословением, Мазалай вынужден был признать, что они также могли оказаться недостатком, и теперь проклинал медлительность своего слуги.

К счастью, башня чародеев находилась недалеко от западных врат. Когда-то оно было зданием Экклезиархии, но культисты уничтожили все

знаки, а жрецов, которые когда-то жили там, насадили на крылья великих скульптур Аквилы и оставили гнить, дабы символы преобразились через декор из гнилой плоти.

Мазалай взбежал по ступеньками и трижды хлопнул дверным молотком.

– Впустите меня! – проревел он. – Время для медитаций окончено!

Двойные двери плавно отворились. Мазалай вошел. Он направился к кольцу фигур в капюшонах, а Грент ковылял за ним по пятам. В воздухе стоял густой дым. Пол заливала кровь. Многие жертвы уже были принесены...

– Мы готовы, – прохрипел один из колдунов. – Но все равно остаются риски...

– Есть еще больший риск в том, чтобы позволить Феллгарду пасть! – несдержанно ввернул Мазалай.

Колдун медленно закивал покрытой капюшоном головой.

– Ты станешь этим сосудом, Мазалай, – проблеял другой колдун. – Мы принесем тебя в жертву, чтобы ты смог сразить наших врагов.

– Великая честь для меня, – ответил Мазалай. – Мы можем начинать?

– Пока нет, – ответил колдун в капюшоне. – Требуется еще одна жертва.

– Невинный человек? – уточнил Мазалай, разглядывая засохшую на полу кровь. – Может, возьмем кого-то из подвалов?

Фигура в капюшоне усмехнулась.

– Нет, не невинный, – возразил колдун. – Совсем наоборот. Истинно верующий, слепо преданный нашему делу.

Все глаза, видимые и скрытые капюшонами, повернулись к Гренту.

Желтые глаза культиста заполнились слезами, а искривленный рот еще

сильнее скривился в радостной гримасе.

– Милорд, это большая...

Грент не успел договорить – лезвие ножа Мазала, настолько тонкого, что его можно было принять за длинную иглу, пронзило подбородок и глубоко вонзилось в череп. Колдун рукой обнял жертву за плечи, прижал к себе, позволяя ножу подниматься дальше вверх. Струящийся теплый гной стекал по лезвию, по рукояти и по пальцам Мазала. Колдун пел молитву жертвоприношения, пока его самый верный слуга дергался и умирал у него на руках.

Грент пал. Его тело еще трижды подавилось рвотой и выкашляло маленький рой жирных черных мух, которые, покружив вокруг его головы, улетели за зубчатые стены.

«*Хорошее предзнаменование*», – решил Мазала, поворачиваясь к конклаву колдунов.

– Давайте начинать, – бросил он.

Если бы Роул не вызвала Вурча на первый уровень бастиона, дабы совершить еще одно благословение, он бы умер на усеянных зубцами стенах, как и все остальные. Священник успел пройти половину пути вниз по лестнице, когда началась атака.

Он выжил лишь чудом.

Сбегая по ступеням вниз, Вурч слышал сквозь грохот выстрелов простой вопрос из четырех слов, который задал один из кадианцев, стоявший

наверху.

– Кто это еще такой?..

Ответ пришел, когда колдовской огонь поглотил крышу бастиона. Вурч, оглянувшись наверх, увидел светящиеся завитки психической энергии. Щупальца варпа ползли по крыше и покрытые зубами стены разваливались на глазах. Труха кружилась и пылала в водовороте ослепительной мистической силы.

Ужас вызывала не сама неестественная энергия, а воздействие, которое она оказывала, соприкасаясь с чем угодно: оружие ржавело и разваливалось, а рокрит бастиона почернел от зловонной плесени, но самым ужасным было ее воздействие на кадианцев – они умирали с криками боли, пока их кожа становилась от зеленой до черной из-за болезней, которые струились по их венам, в то время как глаза желтели и слепли. Когда Вурч, спотыкаясь, попятился вниз по лестнице, оставаясь вне досягаемости колдовского огня, к нему сверху потянулся сержант, лежащий на крыше у спуска вниз. Рука его превратилась в клешню, покрытую фурункулами, и священник в ужасе отпрянул и упал, покотившись по твердым каменным ступеням.

Короткое падение, и вот он повалился на бок, покрытый в синяками. К счастью, Вурч ничего не сломал. Никто не заметил его появления – Блаков и остальные оживленно обсуждали что-то, что находилось за пределами бастиона у ворот внутренней стены. Офицеры говорили все сразу, перебивая друг друга:

– Что это было за...

– Вы видели его глаза, они...

– Как огонь...

– Ствол, он ржавеет...

Затем наступила тревожная тишина. Немое безмолвие разорвало одно-единственное слово, произнесенное кем-то между частыми прерывистыми вздохами бойцов. Его выкрикнули достаточно громко, чтобы оно разнеслось по всему бастиону до удара следующей волны...

– Псайкер!

Колдовской огонь вновь пронесся над бастионом. Вурч, поднимаясь на ноги, даже на расстоянии смог увидеть сквозь узкие щели бойниц, как к бастиону приближается светящаяся фигура. Одежда колдуна казалась пылающей, ужасающая энергия лилась прямо из его рук.

Псайкера окружали дымные миазмы ядовитых испарений, а вокруг клубились рои черных мух. В самом центре чумного вихря Вурч разглядел силуэт человека, скорее мертвого, нежели живого – скелетообразную фигуру с больной кожей и клочковатыми волосами, одетую в рваные пурпурные одежды. Колдун источал настолько ярую злобу и болезнь, что казался сильнее самого здорового человека.

Этот культист, чародей, атаковал бастион в одиночку. Силы, которые он высвобождал, разрывали саму материю мощного укрепленного здания. Несколько несчастных гвардейцев, занявших позиции возле оружейных портов первого этажа, упали на колени, пораженные болезнью. По стволам тяжелых пушек побежала ржавчина и плесень. Влажные комки рокрита начали падать с потолка, когда гниение проникло сквозь стены.

Вурч почувствовал, как сильные руки схватили его за плечо и рюкзак, развернули и отбросили назад, словно он был мешком с припасами. Священник заскользил по грязному, пыльному полу бастиона «Бета-3».

Вурч обернулся и увидел молодого солдата Ирвана, который и толкнул его в безопасное место, но сам был раздавлен упавшей с потолка опорной балкой.

Весь бастион начал рушиться вокруг.

Гниль разъедала само здание.

Было ли это тем, что чувствовали боги, или же это лишь ощущение безграничной силы?..

Разумеется, Мазалай никогда раньше не ощущал такой мощи. Он поддался всем эмоциям, всей ярости и страху, и использовал их, чтобы вытянуть из себя каждую толику психической энергии. Колдун направил потоки скверны, дабы сокрушить бастион «Бета-3» и уничтожить укрепление, которое могло перевернуть ход осады.

То, что Крауер не смог сделать изнутри бастиона, а все эти волны вопящих культистов не осилили в контратаке, Мазалай свершит в одиночку: он снесет этих жалких кадианцев со стен, поджарит тех, кто прячется внутри. Если они не умрут легко и быстро, их раздавит, когда бастион обрушится им на головы...

Сейчас ему под силу сделать все, что угодно – если он и не был самым богом, то уж точно являлся одним из величайших Его орудий. Неужели... неужели, наконец, он доказал, что достоин этой силы? Конечно же, Мазалай сделал это и получил власть! Жалкие смертные более не являлись препятствием, как и их Император, который якобы присматривал за ними!

Если Мазалай и испытывал до этого сомнения, то они рассеялись – никогда еще его вера не была столь сильна. Он верил во славу своих богов и в свою собственную, как инструмента их воли...

Мазалай вскипел от ярости, обнаружив, что этот восторженный ход мыслей был прерван криками кадианцев, что разбегались от рушащегося бастиона.

Мелкое неудобство. Их будет столь же легко убить, даже если они выберутся из коробки, в которой Мазалай возжелал их раздавить.

– Все наружу! – закричал Блаков, пинками помогая гвардейцам покинуть здание. – Рассредоточиться вокруг бастиона, нацелиться на псайкера! Я хочу, чтобы его убили!

Пока Вурч обходил бастион с фланга, подняв свой лазган, он понял, что, скорее всего, бежит навстречу собственной смерти. Понял, что многие кадианцы падут от руки этого колдуна, прежде чем еретик будет повержен.

Смерть Вурча не так важна, как его долг и честь. Он шептал на бегу, моля, чтобы выстрелы его лазвинтовки нашли свою цель.

Мазалай был охвачен живым колдовским огнем, неистовым от безжалостного, лихорадочного жара болезни и столь же неудержимым, как чума, которую он нес. Он едва заметил, как кадианцы открыли по нему огонь. Обжигающие лучи лазвинтовок поглотил его собственный жар.

Смертоносные выстрелы, попадая в поле разрушительной психической энергии, которая потрескивала по всему телу колдуна, плавились и рассыпались в прах...

Он ухмыльнулся, глядя на их усилия. Какие жалкие... Они оставались всего лишь плотью, в то время как он являлся проводником божественной силы! Она протекала сквозь него – это было поистине великолепно. Мазалай чувствовал, как мощь пробивается, давит на череп, словно бы ожидая, что вот-вот что-то зародится...

Колдун посмотрел на свои руки, все еще сжимающие посох, и смог увидеть свое тело сквозь тонкую больную кожу до самых костей. Смог разглядеть, где через него протекала сила. Его собратья-колдуны пожертвовали собой, дабы наделить Мазалай энергией, и их тела растворились в роях черных мух, которые вливались и впивались в него. Теперь он стал Нурглом Феллгарда, которому выпала честь победить кадианцев и привести город к дальнейшему величию во имя Бога Разложения.

Поистине восхитительно.

Значит, он заполучил дары, которые так долго искал? Мазалай попытался направить силу на тела убитых культистов вокруг себя, пытаясь воскресить мертвую плоть во имя Нургла, но... ничего не вышло.

Неважно. Он сильнее, чем когда-либо прежде.

Колдун вновь попытался направить колдовской огонь, чтобы ударить по кадианцам, но хотя их выстрелы не оказывали на него никакого воздействия, он внезапно обнаружил, что более не может атаковать их своей психической энергией. Вместо этого концентрация силы внутри него нарастала –

реальное, ужасающее присутствие формировалось, проталкиваясь из варпа.

Мазалай считал себя сосудом для намерений и силы всего культа. Думал, его благодарят таким образом за заслуги – он был прав, но лишь отчасти. Колдун понял, что дарованная сила не принадлежит ему, а является лишь предвестником чего-то большего, чего-то ужасающего. Собратья-сектанты понимали, что он доведет свои психические способности до предела, что Мазалай без колебаний использует силу, которая ему не принадлежит. Раньше колдун держал себя в руках, но теперь отключил контроль. Братья Мазалай, умерев, оставили его не править, но использовали для рождения чего-то большего...

Он снова посмотрел на свои руки – они все еще пылали, но теперь посох исчез. Дерево превратилось в пыль, кожа на руках начала шелушиться и отслаиваться. Мазалай ощущал жгучую слабость внутри своих костей, под кожей, как будто сам его скелет вот-вот сомнет сильным давлением. Не только в руках – чувство распространялось по всему телу. Нарастающий белый свет набирал интенсивность, колдуна слепило энергией, проходящей через его плоть. Боль пронзила его и Мазалай почувствовал, что падает на колени. Последним звуком, который он смог различить, стал ужасающий крик.

Культист смутно осознал, что это был его собственный вопль.

Даже собственная неминуемая смерть, боль и крик распада ощущались далекими – Мазалай чувствовал себя раздавленным. Его душа и сознание были стёрты в ничто безмерностью того, что надвигалось.

Ранее он видел себя почётным слугой, уважаемым почитателем Нургла. Мазалай считал, что его борьба что-то значит.

Он ошибался.

Это был момент его славы, но Мазалай чувствовал лишь отчаяние. Колдун более не был Мазалаем – ему не полагалось никакого имени, он не был значителен, чтобы заслужить его. Мазалай никогда не был ни личностью, ни сущностью. Его жизнь окончилась и никогда не имела ценности. Все, чем он когда-либо был, что когда-либо имело значение – это путь, к которому Мазалай шел, дабы послужить проводником, что откроет врата...

Что-то приближалось, используя испорченную душу Мазалая, дабы вырваться из варпа.

Вурч стрелял в колдуна еретиков, как и все кадианцы, рассредоточившиеся вокруг, чтобы нацелиться на псайкера. Он видел, что эти атаки бесплодны и ощутил отчаяние. В душу заползало ощущение вселенских ужасов, которых священнику никогда прежде не приходилось испытывать. Несмотря ни на что, несмотря на увиденное им множество зверств и тяжелых сражений, вера Вурча поддерживала его силы. Но сейчас, перед лицом такой еретической и смертоносной силы, священник не понимал, что он испытывает. Ужас?.. Благоговение?..

Его затошнило от собственных мыслей. Это только усилило гнев. Внезапно Вурч понял, что еретик все еще стоит на ногах, но не атакует кадианцев. Энергия, которая исходила из него, казалось, поворачивалась внутрь самого чародея – всё его тело пылало яростным огнем неистовой

силы. Плотный рой отвратительных насекомых сомкнулся вокруг колдуна, ползая по останкам плоти, и зловоние гнусных сил разносилось по всему полю боя.

Вурчу захотелось отвернуться – неестественные силы, на которые он взирал, вызывали боль в глазах и тошноту в желудке, но священник не мог отвести взгляд.

Еретик схватился обеими руками за голову и закричал. Хотя на чистом белом небе не был ни облачка, вокруг них разразилась тьма. Небеса почернели. Колдун неудержимо дрожал, а его кожа почернела, как перезревший плод. Мухи спустились, чтобы поглотить еретика.

А потом этот враг, этот псайкер взорвался. Его тело расплавилось. В воздух исторгло горячий поток мерзкого зеленого ихора. Капли зловония и чумы разлетелись вокруг, разбрызгиваясь по земле и вспениваясь там, где коснулись поверхности.

Небо еще оставалось неестественно черным. Низкий рокот сотрясал воздух, но их враг был мертв.

Вурч не знал, радоваться ему, или же поддаться эмоциям и сойти с ума. Он видел достаточно, он видел такое...

Из пучины безумия его вытащил простой командирский приказ.

– А теперь мы выдвигаемся к стенам, – так Блаков обобщил итог схватки с псайкером. Кастелян укрывался за ржавой пушкой недалеко от бастиона, стреляя в еретика через скрипучий люк. Сейчас он вышел из укрытия, чтобы произвести рекогносцировку. – Один еретик убит, но осталось еще много других, которых...

Рассуждения Блакова прервал пронзительный нечеловеческий вопль.

Звук раздавался то близко, то далеко, как снаружи головы Вурча, так и внутри, воздействуя на его сознание.

Священник инстинктивно посмотрел туда, где пролилась неестественная кровь колдуна. Жидкость пульсировала и дымилась. Вурч заглянул в небольшую лужицу кипящей крови и увидел что-то черное, глубокое и бесконечное, а внутри этого еще целые вселенные. Оно распространялось. Что-то приближалось...

Вурч огляделся, чтобы убедиться, что другие реагируют точно также и видят те же самые вещи. Там, где разорвало псайкера-еретика, в ткани пространства образовались прорехи, и темные существа пришли в движение. Враг умер, но его смерть лишь открыла брешь в реальности, и Вурч смог увидеть то, что приближалось с той стороны.

— О нет, милостивый Император, нет... — прошептал Вурч, падая на колени. Один лишь взгляд на эту прореху, на то, что шевелилось за ней, разрушал его разум, переворачивая все, во что он верил.

Он понятия не имел, какие ужасы там творятся. Он думал что знал, но ошибся.

«Это никогда не кончится», — подумал Вурч. — «Не существует спасения, никакого очищения и благословения, которые смогли бы сдержать безжалостный поток зла и разложения...».

«Свет померкнет», — он содрогнулся при мысли об этом — «Свет самого Императора. Как сможет выстоять против этого даже бессмертный?..».

Это никогда не кончится...

Это никогда не кончится...

Это никогда не кончится...

+++ Выборка из секретного сообщения Инквизиции +++

Последовавшие за этим эпизодом события, в памяти того периода названные свидетелями «Часом Ада», грозили превратить восстание на Келторне в кризис, повлекший за собой куда более серьезные последствия. Только благодаря стойкости кастеллана Блакова и его людей из 39-го Кадианского полка была достигнута победа.

Благодаря доблестным действиям 39-го Кадианского полка удалось разрешить ситуацию на Келторне до удовлетворительного положения. Однако, распространение любых упоминаний о Губительных Силах и их adeptax, несомненно, совершенно неприемлемо.

Знание о ереси губительно и должно подлежать уничтожению. Понимание процессов, посредством которых уничтожаются знания о ереси, так же неприемлемо. Только в невежестве есть безопасность и спасение.

Несомненно, хроники осады Феллгарда должны быть увековечены в пропагандистских целях. Необходимо лишь отредактировать некоторые детали кампании.

Учитывая обширный процесс раскопок, выполненный для извлечения всех богохульных материалов из руин Феллгарда, не считаю вероятным, что выжившие свидетели были подвержены идеям восстания на Келторне.

Исходя из этого, не рекомендую ликвидировать оставшихся в живых бойцов 39-го полка, как постоянную угрозу. Лучшим решением будет немедленно перевести их на самую смертоносную линию фронта. Их

стойкость доказывает, что они имеют определенную ценность в качестве боевых единиц. К сожалению, неразумно позволять 39-му воевать на участках, где шансы на выживание простираются в среднесрочной перспективе.

Моя последняя рекомендация: благочестивые выжившие из 39-го полка должны дать клятву пред ликом Императора, что под страхом смерти не будут распространяться о событиях, в просторечии известных как «Час Ада». Описания сих событий должны быть удалены из всех летописей, за единственным исключением нашей собственной хроники.

Кое-что никогда не должно быть произнесено.

*Ваши верный слуга,
Клерк Инквизиции Менион Литл.*

+++ Конец выборки +++

Продолжение следует....